

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ИУДЫ ИСКАРИОТА В ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИИ И В «ЕВАНГЕЛИИ ОТ ИУДЫ» ИЗ КОДЕКСА ЧАКОС

THE SEMANTICS OF THE IMAGE OF JUDAS ISCARIOT IN THE GOSPEL AND THE «GOSPEL OF JUDAS» FROM THE CODEX TCHACOS

S. Zamlelova (Makeeva)

Summary. The article deals with the image of Judas Iscariot in the Gospel and in the Gnostic «Gospel of Judas» from the Codex Tchacos. The author analyzes Christian and Gnostic texts, comparing features of the Christian and Gnostic Judas. The Christian tradition considers Judas as a traitor and enemy of Christ, in the «Gospel of Judas» Judas Iscariot is presented as a hero who helped Jesus to escape from this evil world and go to the heaven. Two images of Judas Iscariot are so different that the author makes the conclusion that they have fundamentally different semantics. In addition, the author shows that claims by some researchers about the similarities of the Christian Gospels and the «Gospel of Judas» from the Codex Tchacos seemed unreasonable. In conclusion, the author argues that the motive for the betrayal of Judas Iscariot was the internal conflict of the Apostle, faced with a choice: to follow Christ or to return to the usual life of the ordinary citizen of Judea. At the same time, the «Gospel of Judas» from the Codex Tchacos posits the heroic image of Judas, close to Christ, like Christ, the chosen man.

Keywords: Christ, Judas, Gnosticism, Codex Tchacos, betrayal, chosen man, apocryphal story.

Замлелова (Макеева) Светлана Георгиевна

*К.филос.н., Главный редактор сетевого
литературного журнала «Камертон»
svetlana-zamlelova@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются образ Иуды Искариота, данный в Четвероевангелии, а также образ «апостола-предателя» гностического «Евангелия от Иуды» из Кодекса Чакоос. Автор анализирует христианский и гностический тексты, сравнивая черты, которыми наделяется Иуда христианский и Иуда гностический. Если христианская традиция рассматривает Иуду как предателя и врага Христова, то в «Евангелии от Иуды» Иуда Искариот предстает героем, помогшим Иисусу вырваться из этого злого мира и перейти в мир высший. Два образа Иуды Искариота оказываются настолько разными, что автор делает вывод об их принципиально различной семантике. Кроме того, автор показывает, что утверждения некоторых исследователей, о сходстве и взаимообогащении Четвероевангелия и «Евангелия от Иуды» из Кодекса Чакоос представляются необоснованными. В заключении автор утверждает, что мотивом предательства Иуды Искариота стал внутренний конфликт апостола, оказавшегося перед выбором: следовать за Христом или вернуться к привычной жизни рядового горожанина Иудеи. В то же самое время «Евангелие от Иуды» из Кодекса Чакоос утверждает героический образ Иуды, образ близкого ко Христу апостола, являющегося, наравне с Христом, человеком избранным.

Ключевые слова: Христос, Иуда, гностицизм, Кодекс Чакоос, предательство, избранный, апокриф.

Христианская традиция в отношении новозаветных событий, связанных с именем Иуды Искариота и соответственно с его образом, придерживается в целом единого мнения, называя Иуду «раб и льстец, ученик и наветник, друг и диавол...» (Утренняя Святого и Великого Четвертка). Между тем уже со II в.н.э. известно так называемое «Евангелие от Иуды», гностический источник, упоминаемый Иринеем Лионским в сочинении «Против ересей»: «Другие опять говорят, что Каин происходит от высшей силы, и Исава Корея, содомлян и всех таковых же признают своими родственниками, и поэтому они были гонимы Творцом, но ни один из них не потерпел вреда, ибо Премудрость взяла от них назад к себе самой свою собственность. И это, учат они, хорошо знал предатель Иуда, и так как он только знал истину, то и совершил тайну предания, и через него, говорят они, разрешено все земное и небесное. Они также выдают вымышленную историю такого рода, называя Евангелием от Иуды» [9]. «Евангелие от Иуды», среди прочего, содержит утверждение, что предательство Иуды совершил по требованию Христа, чтобы избавившему-

ся от плоти Христу высвободить Свою Божественную сущность [7].

Т. Райт, считает, что Иринеи Лионский едва ли мог читать «Евангелие от Иуды» — во многом критика Иринея Лионского противоречит тому, что содержится в самом документе. Вероятно, св. Иринеи мог только слышать о существовании «Евангелия от Иуды». К тому же и сам св. Иринеи говорит, что собрал много гностических текстов, среди которых не упоминает, однако, «Евангелие от Иуды» [16; 22–23]. Как бы то ни было, «Евангелие от Иуды» действительно выражает то, что называется «базовые принципы» гностицизма. В частности эти принципы передает диалог между Иудой и Иисусом, вошедший в документ [9]. Так, согласно учению гностиков, тварный мир пронизан злом, поскольку и сам творец Демиург зол. Но есть иная божественная сущность — это мудрый и добрый бог, являющийся противоположностью Демиурга. Поэтому целью любого мыслящего существа должно быть «спасение», сводящееся к тому, чтобы прекратить физическое существование, избавиться от материального мира и всего, что с ним свя-

зано. Блаженство недоступно тем, кто любит мир и его злого создателя. Путь же к спасению пролегал через знание, «gnosis». Это знание может раскрыть только пришелец из духовного мира. Да и то лишь тем немногим, в ком спрятана искра божественного света [7].

Под гностицизмом мы понимаем философско-религиозное течение, возникшее незадолго до возникновения христианства. Это движение достаточно разнородное и разделяется внутри себя на несколько направлений. Ряд исследователей возражают против использования обобщающего термина «гностицизм», поскольку под это определение подпадает слишком много разного рода течений и текстов, определяя которые «гностицизмом» можно лишь внести путаницу [33]. Так, например, к гностическим относятся учения валентиниан, маркионитов, василидиан, докетов, офитов, богомилов, катаров, вальденсов, альбигойцев [5; 316–317]. Однако Б.Д. Эрман, например, считает оправданным обращение к термину «гностицизм» без уточнения, о каком именно религиозном течении идет речь. Точно так же, как можно говорить об иудаизме или христианстве вообще, несмотря на то, что обе религии богаты внутренними течениями. Еще Ириней Лионский писал о гностиках, что они «под разными именами говорят то же самое, но более чем первые, чуждое истине привносят в характер своего учения» [9].

Можно выделить общие черты гностицизма, сводимые, в частности, к «дуализму, онтологическому монодуализму или монотриализму; космологическому эманационизму; антропоцентризму и гипертрофированному индивидуализму; антикосмизму и антисоматизму; отождествлению бытия с гнозисом» и пр. [5; 316–317] Гностики проповедовали необходимость выйти из-под власти ветхозаветного бога, дабы слиться с высшим существом в небесных сферах. Понимая ветхозаветного бога как зло, гностики почитали его дела недобрыми, а восставших на него персонажей Библии — героями и борцами [8]. Также для гностиков характерно суждение, что беда человечества — не грех, как это понимает и чему учит традиционное христианство, но — неведение. Не вера, любовь или смирение, но познание способно повлиять на человеческую участь и переменить ее.

Есть гипотеза о существовании самобытной гностической религии, несводимой к христианской или иудейской ереси [14; 5]. Суть этой религии заключается в переживании отчужденности от мироздания и его творца. Пробуждаясь от мирской суеты, гностик откликается на «зов трансцендентального иного» [14; 6]. Т. Райт считает, что интерпретация и переоценка гностиками Ветхого Завета могли быть связаны с поражением в 135 г. восстания Бар-Кохбы, которого рабби Акива объявил Мессией. Уж если возможно такое страшное поражение,

значит, вполне вероятно, что традиционные представления о добре и зле искажены. Значит, Бог Ветхого Завета — плохой бог, а те, кого он осуждал, были хорошими. И наоборот, те, кому он благоволил, были плохими [34; 164–166]. Бога Ветхого и Нового Заветов гностики избрали объектом презрения, равно как и поклоняющихся ему людей, позволивших обмануть себя по глупости и невежеству.

По мнению Т. Райта, Иисус — весьма удобная фигура для гностических подтасовок, поскольку, даже в полном соответствии с апостольским учением, он вполне может быть принят за того, кто связан с чистым и добрым богом и чей приход на землю вполне может быть обусловлен миссией избавления людей от материального мира. Очищенная от ветхозаветных составляющих фигура Иисуса оказывается подходящей для гностиков, как проводник тайного знания [16; 34]. Т. Райт допускает, что первым антигностическим писателем мог быть апостол Павел, который изобличал «знание» и тех, кто «преисполнен гордыни и ничего не знает» (1 Кор. 8:1; 1 Тим. 6:4) [2].

В «Евангелии от Иуды» Иуда Искариот предстает героем, помогшим Иисусу вырваться из этого злого мира и перейти в мир высший. По сюжету этого «Евангелия», Иисус и Иуда знают, что являются избранными, в то время как остальные апостолы не обладают избранничеством и поклоняются злему богу или Богу Авраама, Исаака и Иакова. Причем Иисус глумливо смеется над учениками за это невежество. Т. Райт, ссылаясь на американских и израильских исследователей, с недоумением отмечает их стремление истолковать этот очевидно презрительный смех как проявление дружелюбия, доброжелательности и мудрости. Затем Иисус призывает Иуду принести в жертву человека, который носит в себе Иисуса: «Истинно говорю тебе, Иуда, <...> ты превзойдешь их всех. Ибо ты принесешь в жертву человека, чьим телом я облечен» [7]. То есть уничтожение этого телесного человека должно освободить настоящего Иисуса или его духовную сущность. Освободившись от материальных оков, Иисус сможет вернуться в небесную обитель. Учение о том, что тела божественных существ не принадлежат им, а являются для них формой, разделял близкий к гностицизму докетизм. [22; 299] Далее Иисус говорит Иуде: «Подними взор свой и посмотри на облако и на свет внутри него, и на звезды, окружающие его. Звезда, что указывает путь, твоя звезда» [7]. Опираясь на эти слова, Г. Кросни заявляет, что «Евангелие от Иуды» «призывает нас пересмотреть учение Иисуса. Следование за собственной звездой — идея сегодня столь же актуальная, как и в те времена» [29; 299].

Между тем, по выходу книги из печати было отмечено, что никакой исторической правды книга содержать

не может и что реальные Иисус и Иуда просто не поняли бы того, о чем в ней говорится. Г.Г. Ястребов считает, что значение «Евангелия от Иуды» как исторического источника более чем скромно. Кроме того, текст изобилует несуразностями и нестыковками, благодаря чему заданный изначально пафос избранности и элитарности сводится к нулю [25; 174]. Т. Райт отмечает, что суть молитвы «Отче наш», оставленной Иисусом своим ученикам, содержит слова, могущие привести в ужас любого из гностиков. «Яко на небеси и на земли...» — гностический Иисус не мог бы сказать таких слов, поскольку земной, тварный мир, созданный злым богом, презираем и ненавидим гностиками [16; 58].

Т. Райт отмечает и еще одну любопытную деталь, а именно разницу между каноническими и апокрифическими евангелиями. Канонические евангелия содержат вести, апокрифические — поучения о том, как следовать духовной практике и с ее помощью достичь блаженства. Но само слово «евангелие» (греч.) переводится как «благая весть». Следовательно, апокрифические «евангелия» — не евангелия вовсе, они принадлежат к принципиально другому жанру [16; 59]. «Евангелие от Иуды» — история непонятная для иудеев начала тысячелетия и не могущая быть принятой ими. Иудеи ожидали освобождения Израиля и Царства Божьего на земле. Сообщение, несомое «Евангелием от Иуды», может быть признано «благой вестью» лишь в том случае, если, по замечанию Т. Райта, «перевернуть представления о мире с ног на голову» [16; 63].

Воскресение — краеугольный сюжет канонических Евангелий, на нем основано христианство. Но этот сюжет никоим образом не освещается «Евангелием от Иуды». Более того, следует отметить особо, что традиционное христианство и гностицизм существенно расходятся в отношении к смерти. Воскресение Христово является для христиан победой над смертью — «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ» (Пасхальный Тропарь, Глас 5). Попраание возможно только в отношении врага — невозможно попраить или победить благо и радоваться такой победе. Для гностицизма смерть — благо, ее не надо побеждать или попираить, она есть освободительница духовной сущности из телесных оков.

Современные исследователи сходятся на том, что апокрифические «евангелия» вторичны по отношению к каноническим и, более того, являются производными канонических [17]. Хотя, например, Г. Кросби [29; 278] и Э. Пэйджелс [32; 126] считают, что «Евангелие от Иуды» расширяет христианское вероучение и может служить дополнительным материалом для постижения истин христианства. Тем не менее, совершенно очевидно, что этого не может быть, поскольку традиционное христианство и гностицизм — два принципиально разные

учения. И если канонические Евангелия проповедуют любовь и «милость к падшим», то «Евангелие от Иуды» не имеет никакого отношения к этой проповеди. «Евангелие от Иуды» учит, что существует некое тайное знание, с помощью которого избранные могут покинуть этот мир, дабы воссоединиться с божеством и освободить свою духовную сущность. То есть само Спасение, как центральное понятие веры, определяется традиционным христианством и гностицизмом по-разному — так, что одно определение никак не может дополнить другое.

Кроме «Евангелия от Иуды» Кодекс Чакоз включает в себя еще три гностических текста, написанных на саидском диалекте коптского языка [3; 127]. В состав Кодекса также входят: Послание Петра к Филиппу, «Иаков», «Книга Аллогена» [10; 51]. Тем не менее, именно «Евангелие от Иуды» вызвало общественный резонанс и было провозглашено тогда же сенсацией. То есть именно «Евангелию от Иуды» придавалось какое-то особенное значение, именно с ним связывались надежды, именно ему приписывалась роль ниспровергателя традиционного христианства. Так, например, Б.Д. Эрман тогда же утверждал, что «Евангелие от Иуды» открывает путь к новому пониманию христианства, к новому пониманию бытия [24; 83].

Попытки реабилитации Иуды Искариота предпринимались и ранее. Сначала робкие, затем все более уверенные, вплоть до заверений о перевороте в христианстве. С появлением «Евангелия от Иуды» появилось множество комментариев и работ, направленных на то, чтобы убедить большинство в истинности и правдивости этого документа. Предлагалось пересмотреть традиционное христианство и принять «новую» версию событий двухтысячелетней давности и «новый» взгляд на христианское вероучение. Другими словами, человечеству предлагалось принять новый миф как о происхождении христианства, так и об Иуде и Иисусе.

Цель этих предложений заключалась в том, чтобы реабилитировать Иуду Искариота, представить его героем и положительным персонажем и доказать, что традиционный взгляд на него как на предателя ложен, а, значит, ложны традиционные христианские представления. В соответствии с новыми мифами не было ни Распятия, ни Воскресения. Иисус был не тем, за кого выдают его канонические Евангелия. Скорее всего, он был неким учителем. Его последователи образовали множество движений, внутри которых было написано множество «евангелий». Те же «Евангелия», что мы называем каноническими, были отобраны впоследствии. Отбор осуществлялся Церковью, всегда стремившейся к политической власти и контролю. Б.Д. Эрман утверждает, что Новый Завет сложился в своем настоящем составе

и виде, благодаря влиянию одной из конкурирующих групп в христианстве. «Эта группа, взяв верх над остальными, «обратила в свою веру больше людей, чем прочие, сумела вытеснить своих оппонентов на обочину. Эта группа определила, какой должна быть организационная структура церкви. Она установила, каким постулатам веры должны следовать христиане. И она же решила, какие книги должны считаться писанием» [24; 124].

Однако учение, содержащееся в Новом Завете, и учение «Евангелия от Иуды» настолько разнятся между собой, что утверждение, будто бы книги Нового Завета конкурировали с «Евангелием от Иуды» как разные взгляды на христианство, представляется малоубедительным. Кроме имен собственных, книги Нового Завета и «Евангелие от Иуды» не имеют ничего общего. Это не просто два разных взгляда на христианство, это два разных мировоззрения, две разные религии, несущие противоположные заряды и утверждающие противоположные ценности. Выбор между этими книгами означает выбор между христианством и не-христианством, между двумя противоположными способами отношения к себе, окружающему миру и ближним.

Согласно новым мифам, считает Т. Райт, человечеству необходима новая религия, которой вполне может стать гностицизм, представленный, в частности, в «Евангелии от Иуды». Т. Райт также считает, что сегодня инстинкт сомнения выродился в инстинкт неверия во что бы то ни было. Подозрительность, вера в существование какой-то тайной правды — все эти признаки современного мирозерцания стали хорошей почвой для укоренения гностических идей, сводимых, в частности, к разрыву с внешними доступными источниками знания и поиску чего-то тайного, хранящего подлинное знание. Отметим, что мнение Т. Райта, а кроме того, названия статей, сопровождавших появление «Евангелия от Иуды», свидетельствуют о дерационализации и мифологизации сознания современного человека, проявляющихся в тяге ко всякого рода тайнам, кодам, разоблачениям, тайным знаниям и пр. Вот примеры статей, опубликованных в разных источниках: «Times» — «Иуда Непонятый. Ватикан восстановит имя оболганного апостола». Там же — «Обвинен, подставлен или оклеветан. Три веские причины освободить Иуду Первого». «The Guardian» — «Иуда Искариот: его жизнь и добрые деяния». «Toronto Star» — «Новое рождение Иуды: готовы ли мы пересмотреть свое отношение к негодяю?» «The Mail of Sunday» — «Мировой эксклюзив: Евангелие от Иуды Искариота: величайшая в мире археологическая находка угрожает 2000-летнему христианскому учению». Там же — «Спустя 2000 лет — голос Иуды (Мировой эксклюзив: Церкви замерли в ожидании публикации «Потерянного Евангелия», которое может поставить

под угрозу саму основу христианского вероучения)». Там же — «Евангелие от Иуды докажет, что Воскресения не было».

В «Евангелии от Иуды» Иисус призывает Иуду следовать за своей звездой [7; 46]. Призыв, по мнению Т. Райта, как нельзя лучше отвечает психологии индивидуализма. Т. Райт считает, что жизнь современного человека проходит, в полном соответствии с гностическим императивом и императивом Просвещения, на двух этапах. На «верхнем» этапе проходит религиозная жизнь, связанная с поиском божественности в себе и с процессом самопознания; на «нижнем» — повседневная жизнь по устройению счастья, деланию денег и пр. Гностицизм и Просвещение по разным причинам и с разными целями, но одинаково приветствовали разделение этих сфер жизни. Но тот радикальный дуализм, что содержится в «Евангелии от Иуды» может оправдывать решительно все: от идеологии накопительства до государственного мессианизма и права вершить судьбы народов, обрушивая на их головы кару за непокорность; от религиозной всеядности до сексуальной распущенности [15; 117–118]. Ведь кто, как не просвещенные могут позволить себе все. Тем более что Иисус — не Спаситель мира, а всего лишь некий человек, открывший, что внутри некоторых из нас сокрыта божественная сущность. Подобного рода религиозность оказывается попросту опасной, поскольку новые религиозные идеи могут оправдать в глазах самого верующего самые неожиданные и опасные для окружающих интенции [30; 168–172, 277]. Неогностицизм, как показывают Т. Райт и Ф.Д. Ли, способен не просто оправдать установку на наслаждение, но и дать авторитетное, «божественное» обоснование мировоззрению такого рода.

Смысл послания, содержащегося в «Евангелии от Иуды», заключается в том, что люди, по мнению его создателей и, очевидно, современных почитателей, разделяются на две категории: на обычных, которых большинство и чье существование заканчивается со смертью тела; и на избранных, на меньшинство, обладающих божественной искрой и не исчезающих со смертью тела. К таким избранным в «Евангелии от Иуды» относятся Иисус и сам Иуда. По учению Валентина, «одни — пневматики (духовные) — носители духа (гностики по самой своей духовной природе) неизбежно спасались — выходили в конце концов в область Божественного духа; другие — илики (вещественные), то есть язычники, которые неизбежно погибали вместе с материей; и, наконец, психики (душевные) — обыкновенные христиане, нуждавшиеся в спасении и Спасителе. По учению гностиков, они должны бороться с грехом и спастись добрыми делами. Но их судьба была предрешена их духовными задатками: души были злы и добры по природе, а не по свободной воле, которая могла бы с помощью

благодати Христовой созидать свое спасение, возродиться после падения» [12; 201–202]. Спасение не через любовь и смирение, как учит традиционное христианство, а посредством избранничества и утверждения себя в качестве обладателя «божественной искры», через «следование за своей звездой», пренебрежение к окружающему миру. Сам Иуда, как обладающий истиной и «божественной искрой», противопоставляется в «Евангелии от Иуды» остальным ученикам Христа как профанному большинству, не годящемуся к спасению и не владеющему тайной.

Внешний мир представляется гностикам обманом, неким темным и злополучным местом. Однако нельзя не отметить черты, характерные для гностика, но не связанные с его представлениями о мироздании, скорее являющиеся психологическим следствием гностических воззрений. Так, Р.В. Светлов, например, отмечает, что «каждый гностик претендует на то, что нашел нечто новое и создал нечто, до него не известное. Предпосылкой подобного субъективизма является чувство «внутреннего присутствия Бога» и вера в то, что высшие силы устанавливают прямой контакт непосредственно с подвижником, ищущим сакральное знание» [18; 56–61]. С этим положением связана и гностическая антропология, восходящая к индивидуализму и вере в собственную избранность: «Высшая ступень в мистике гностического откровения — это осознание того, что лицо, дарующее откровение, — ты сам...» [18; 56–61]. Кроме того, божественной искрой обладают не все люди, а только пневматики или «духовные». В различных культурах и обществах существовало разделение на касты и классы, на высших и низших. Но именно для гностицизма характерно сочетание избранничества, крайней формы индивидуализма и полное неприятие окружающего мира. При таком сочетании человек неизбежно воспринимает окружающий мир и людей как средство к существованию. Именно об этом и сообщает «Евангелие от Иуды».

Но вспышка интереса к Иуде не связана исключительно с публикацией «Евангелия от Иуды». Тема предательства Иуды Искариота никогда не теряла своей актуальности для теологии и особенно сотериологии. На протяжении веков существования христианства Церковь однозначно трактовала как евангельские события, связанные с именем Иуды Искариота, так и личность апостола-предателя: «Иуда льстец, сребролюбия рачительствуй, предати Тя, Господи, сокровище живота, лестно поучашеся, отнюдуже и упився, течет ко иудеям, глаголет беззаконным: что ми хотите дати, и аз вам предаю, во еже распяти Его». (Седален утрени Святой и Великой Среды). Кроме того, психологическая мотивация совершенного Иудой предательства никогда не находилась в центре внимания ни евангелистов, ни последу-

ющих за ними церковных исследователей Священного Писания, поскольку практической ценностью его предательство измерено быть не может. И упоминаемое сребролюбие рассматривается обычно как «щель, делающая его доступным внушениям дьявола» [1; 237].

Интерес к Иуде, которого не обошла ни одна из существовавших экзегетических традиций, был связан, в первую очередь, с тем, что «в соответствии с древним принципом «проклят пред Богом всякий, повешенный на дереве» (Втор. 21:23), восходящим к архаическим ритуалам казни-заклания в жертву, повешенный на древе креста Христос, принявший на себя проклятие человечества, и повесившийся Иуда Искариот, несущий бремя собственного проклятия, представляют собой многозначительную внутреннюю антитезу» [1; 237]. Характерно в этом смысле, например, изображение Иуды на фреске Джотто (ок. 1305 г., Падуа, капелла дель Арена), где лица Христа и Иуды выражают противоположные, разнополюсные человеческие качества — низости и величия, мелочности и благородства. Христианскую традицию не интересуют психологические мотивы поступка Иуды; для нее Иуда — олицетворение предательства, богоотступничества, он «предвосхищает выступление антихриста; недаром он характеризуется словосочетанием «сын погибели» (Ин. 17:12), примененное в Новом Завете также и к антихристу (2 Фес. 2:3)» [1; 237]; он исполняет пророчества (Иер. 32:9, Зах. 11:12, Пс. 108:1–2). Роль его в евангельской истории скорее мистическая, именно с этой точки зрения смотрит на него христианская традиция, не пытавшаяся объяснить психологические противоречия его поведения и весьма осторожно относившаяся к попыткам такого рода. Но с появлением новых трудов по интерпретации новозаветных текстов такие попытки стали предприниматься не только религиоведами и философами, но и теологами. Кроме того, антитеза Христос-Иуда не раз, по слову С.С. Аверинцева, «подавала пластический мотив для изобразительного искусства» [1; 237].

Из Четвероевангелия нам, прежде всего, известно об Иуде следующее:

1. Иисус избрал Иуду в ученики, Иуда вошел в круг ближайших к Иисусу двенадцати (Мф. 10:1–4; Мк. 3:13–19; Лк. 6:13–16);
2. Иуда наравне с другими учениками Христа был наделен силой исцелять болезни и изгонять бесов. Вместе с остальными апостолами Иуда был отправлен Иисусом «проповедовать Царствие Божие и исцелять болезни» (Мф. 10:1, 7–8; Мк. 3:14–15; Лк. 9: 1–6; Деян. 1:17);
3. Иуда был свидетелем чудес, творимых Иисусом (Мф. 14:14–33; Мк. 3:37–41; Лк. 9:12–17);
4. Иуда был казначеем и носил при себе «денежный ящик» (Ин. 12:6);

5. Иуда был вором (Ин. 12:6);
6. Иуда возмутился нерачительным использованием драгоценного нарда (Мф. 26:7–9; Мк.14: 3–4; Ин. 12:4–6);
7. Иуда сам отправился к первосвященникам с предложением выдать им Иисуса (Мф. 26:14–16; Мк. 14:10–11; Лк. 22:3–6);
8. Иуда вместе с другими апостолами присутствовал на Тайной Вечери (Мф. 26:20; Мк. 4: 17; Лк. 22:14–21; Ин. 13:2–30);
9. Как и всем прочим ученикам Иисус омыл ноги Иуде и разделил с ним трапезу на Тайной Вечере (Ин. 13:5–30);
10. Иуда задал лицемерный вопрос «Не я ли, Господи?» в ответ на слова Иисуса «Один из вас предаст Меня» (Мф. 26:21–25; Мк. 4:18–19);
11. В Гефсиманский сад, где Иисус молился, Иуда привел воинов и толпу народа (Мф. 26:47; Мк. 4:43; Лк. 22:47; Ин. 18:3);
12. Чтобы воины смогли опознать Иисуса, Иуда поцеловал его (Мф. 26:48–49; Мк 4:44–45; Лк 22:47–48);
13. Иисус назвал Иуду «другом» в Гефсиманском саду (Мф. 26:50);
14. После того, как Иисус был арестован, Иуда раскаялся в содеянном (Мф. 27:3–5);
15. Иуда вернул деньги первосвященникам, после чего убил себя (Мф. 27:3–5).

А об Иуде в «Евангелии от Иуды» говорится, что:

1. Иуда один из всех учеников Иисуса сумел предстать перед Иисусом, хотя не смог взглянуть ему в глаза [7; 24];
2. Иуда знает, что Иисус явился из «царствия бесмертных Барбело» [7; 25];
3. Иисус знает, что Иуда помышляет о возвышенном, а потому хочет открыть Иуде «тайны царства» [7; 25];
4. Иуде было видение, предрекшее его преследования в дальнейшем [7; 33];
5. Иисус открывает Иуде, что Иуда — избранный и открывает Иуде тайны космологии [7; 34–44];
6. Иисус велит Иуде принести «в жертву человека», телом которого облечен Иисус [7; 45];
7. Иуда видит свою звезду [7; 46];
8. Иуда получает от священников деньги и выдает им Иисуса [7; 47].

Мы видим, что в новом мифе об Иуде количество мифем оказалось значительно меньшим по сравнению с евангельским мифом. Поэтому, в частности, почему применительно к мифу об Иуде Искарите можно говорить о трансгрессии мифа, в том смысле, который вкладывает в это понятие И.П. Давыдов. Как известно, К. Леви-Строс предлагал осмысление событийного ряда

мифа как последовательность мифем или «пучков отношений» [11; 188]. Богатство мифем связано с совершенством мифа. И напротив, «дефицит мифем <...> сигнализирует о трансгрессии мифа» [6].

Но каким бы ни был Иуда, и что бы ни толкнуло его на предательство, это не столь уж важно для понимания сути событий и даже личности Иуды. Принципиальное значение имеет выбор, сделанный Иудой. Человек есть то, что он выбирает.

Именно для того, чтобы понять Иуду Нового Завета, важно осознать его выбор, важно понять, не почему и зачем он предал, а что он выбрал. Выбор же Иуды обусловлен тем, от чего он отказывается. В Евангелиях нет четкого указания на то, что предпочитает Иуда. Зато неоспоримо то, от чего он отказывается. Предательством Иуда отказывается от предложенного ему Христом. Перед Иудой, с одной стороны, символическая сумма в тридцать сребренников, называемая «ценой раба» («Если вол забодает раба или рабу, то господину их заплатить тридцать сиклей серебра...» (Исх. 21:32)), не столько вознаграждение, сколько своего рода *знак вознаграждения*. С другой стороны — Царство Небесное и обетование Христа. То есть приземленное против возвышенного, дальнее против горнего. Можно сказать, что тридцать сребренников — это та цена, за которую Иуда продает себя дьяволу, князю мира сего, другими словами, выбирает земное, дальнее.

Иисус говорит: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6:19–20); «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24); «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его» (Мф. 6:33) и т.д. Обобщенно о проповеди Христа можно сказать словами его апостола: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин. 2:15–17), «мир лежит во зле» (1 Ин. 5:19). Именно потому С.С. Аверинцев говорит об антитезе Христа-Иуды, что выбор Иуды означает отказ от того, к чему зовет Христос, в пользу противоположного. То есть выбор, сделанный Иудой, превратил его в противоположность Христа.

Об антитезе Христа и Иуды пишет и С. Грубар, отмечая, что после Первого Никейского Собора (325 г.) Церковь утвердила «ипостасное единство Иисуса: человека и Бога одновременно» [4; 179]. Контрастом Богочеловеку стал Иуда, «также человек и сатана в одном лице» [4; 179]. Это утверждение нельзя понимать как прямую па-

раллель с Богочеловечеством, в том смысле, что сатана не воплощался в Иуду. Мироздание разделяется в учении Христа на вечное и тленное. Чтобы снискать вечное, настоящее, от человека требуются усилия, сводимые к аскезе, к постоянному самосовершенствованию. «Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него» (Лк. 16:16), — говорит Христос. Предпочтение тленного вечному, низкого высокому — это отказ от действительного в пользу мнимого, от реальности в пользу ее знака. Мир, который Христос призывает не любить, есть вотчина дьявола, «князя мира сего», человекоубийцы, лжеца и отца лжи (Ин. 8:44). Выбирающий мир с его похотью плоти, похотью очей и гордостью житейской тем самым отказывается от усилий, ведущих в Царство Божие и от самого Царства Божия. Феофилакт Болгарский пишет в толковании на Новый Завет: «Кто не от Отца, но от мира, тот от диавола. Так и в Евангелии говорится иудеям: ваш отец диавол (Ин. 8:44), то есть у вас наклонности плотские, которые сеет и возвращает диавол. И эти мирские похотения непродолжительны и непостоянны, а что совершается по воле Божией, то продолжительно и вечно» [19].

Иисус говорит, обращаясь к прекословящему Петру: «Отойди от меня, сатана! Ты мне соблазн! Потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф. 16:23). Иисус разграничивает Божие и человече-

ское. При этом человеческое = земное = сатанинское, поскольку сатана = дьявол = князь мира сего. Иными словами, человеческое, не Божие, подчиняется дьяволу. «Мир во зле лежит», то есть земная, тленная жизнь, где множество соблазнов, где грех подчиняет себе человека, противопоставляется Царствию Божию. Таким образом, когда евангелист говорит, что «вошел же сатана в Иуду» (Лк. 22:3), эти слова можно понимать, как указание на то, что Иудой сделан окончательный выбор в пользу материального, земного или человеческого.

Основываясь на Священном Писании и Священном Предании, а также учитывая интерпретации образа Иуды Искариота и труды по истории Палестины, позволяющие максимально полно восстановить картину жизни современников Иисуса Христа [21], представляется возможным предположить, что мотивом предательства Иуды Искариота стал своеобразный внутренний конфликт апостола, оказавшегося перед выбором: следовать за Христом или вернуться к привычной жизни рядового горожанина Иудеи. В то же самое время «Евангелие от Иуды» из Кодекса Чакос утверждает героический образ Иуды, образ близкого ко Христу апостола, являющегося, наравне с Христом, человеком избранным. Как видим, Четвероевангелие и «Евангелие от Иуды» обладают разной семантикой, во всяком случае, в том, что касается образа Иуды Искариота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. Киев, 2005.
2. Библия.
3. Вюрст Г. Иринеи Лионский и Евангелие от Иуды // Евангелие от Иуды по Кодексу Чакос. М., 2008.
4. Грубар С. Иуда: предатель или жертва? М., 2011.
5. Давыдов И. П. Гностицизм // Энциклопедия религий. М., 2008.
6. Давыдов И. П. Православный акафист русским святым (религиоведческий анализ). — Благовещенск, 2004.
7. Евангелие от Иуды по Кодексу Чакос. М., 2008.
8. Епифаний Кипрский. Панарион // Книга Иуды. С-Пб., 2007.
9. Иринеи Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди. М., 2008.
10. Кассер Р. История Кодекса Чакос и Евангелия от Иуды. // Евангелие от Иуды по Кодексу Чакос. М., 2008.
11. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.
12. Мансуров С., свящ. Очерки из истории Церкви. Клин, 2002.
13. Мейер М. Иуда и гностические связи // Евангелие от Иуды по Кодексу Чакос. М., 2008.
14. Оренбург М. Ю. Гностический миф: реконструкция и интерпретация. М., 2011.
15. Райт Т. Евангелие Иуды. От какой тайны хотели избавиться древние христиане. М., 2009.
16. Райт Т. Иуда и Евангелие Иисуса. М., 2009.
17. Робинсон Д. М. Тайна истинного Евангелия от Иуды. Харьков, Белгород, 2007.
18. Светлов Р. В. Гнозис и экзегетика. СПб., 1998.
19. Феофилакт Болгарский. Толкование Нового Завета <http://rusbible.ru/books/1in.fb.html#cite-16>
20. Эванс К. Иисус глазами ученых: правда и ложь новейших открытий и скандальных исследований. М., 2011.
21. Эдершейм А. Жизнь и времена Иисуса Мессии. М., 2004.
22. Элбакян Е. С. Докетизм // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006.
23. Эрман. Б. Д. Утерянное Евангелие от Иуды. Новый взгляд на предателя и преданного. М., Владимир, 2010.
24. Эрман. Б. Д. Христианство встает с ног на голову: альтернативное видение Евангелия от Иуды // Евангелие от Иуды по Кодексу Чакос. М., 2008.

25. Ястребов Г. Г. Кем был Иисус из Назарета? // Райт Т. Иуда и Евангелие Иисуса. М., 2009. Приложение II.
26. Bloom H. The American Religion: The Emergence of the Post-Christian Nation. NY., 1992.
27. Gathercole S. The Gospel of Judas. Rewriting Early Christianity. Oxford, 2007.
28. King K. L. What is Gnosticism? Cambridge, 2003.
29. Krosney H. The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot. Washington, 2006.
30. Lee P. J. Against the Protestant Gnostics. NY., 1987.
31. O'Reagan C. Gnostic Return in Modernity. NY., 2001.
32. Pagels E. The Gnostic Gospels. NY., 1976.
33. Williams M. A. Rethinking «Gnosticism»: An Argument for Dismantling a Dubious Category. Princeton, 1996.
34. Wright T. N. The New Testament and the People of God. London&Minneapolis, 1992.
35. Wright T. N. Jesus & the Victory of God. London & Minneapolis, 1996.

© Замлелова (Макеева) Светлана Георгиевна (svetlana-zamlelova@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»